

ЭТНОГРАФИЯ

УДК 39:636(470.67)

СКОТОВОДСТВО У БАШКИР-КАТАЙЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ИНЗЕРСКОГО БАССЕЙНА В XIV – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

З.Ф.Хасанова,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, Уфа.

zifa.83@mail.ru.

С.Л. Воробьева,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела фондов – хранитель фондовой коллекции «Археология» Национального музея Республики Башкортостан, Уфа

sveta_legion@mail.ru.

Аннотация. В статье на основе анализа этнографических, архивных и археологических данных рассматриваются особенности развития скотоводства у башкир-катайцев с древности и до наших дней. Главным занятием башкир-катайцев, в силу традиций и географо-климатических факторов, до сегодняшнего дня остается скотоводство. Башкиры-катайцы обитают в горно-лесной зоне Южного Урала на территории инзерского бассейна, в Белорецком районе Республики Башкортостан. В связи с особенностями природно-географической зоны, связанными, прежде всего с ее труднодоступностью, отсутствием больших открытых пространств, здесь сложились условия для консервации этнических традиций, обособленного развития материальной и духовной культуры этнотерриториальной группы башкир. Изучение башкир-катайцев инзерского бассейна позволяет проследить изменения в образе жизни башкир от полукочевого до появления фермерских хозяйств и развития коневодства.

Происхождение родоплеменной группы катай (кытай, ктай) связано с монгольскими племенами кара-китаями, или киданями, которые пришли на рассматриваемую территорию в конце XIV в. В XV–XVI вв. территория инзерского бассейна входила в «Исторический Башкортостан». Полевые материалы одного из авторов статьи, письменные и археологические данные говорят о кочевом образе жизни башкир в эпоху средневековья. Башкиры-катайцы после переселения на территорию инзерского бассейна адаптировались к местным природным условиям и стали вести полукочевой образ жизни. В XVIII в. произошла резкая смена хозяйственной деятельности. В конце XIX в. поголовье скота сокращается. Это связано с захватом башкирских земель русскими и со строительством горных заводов на территории инзерского бассейна, что привело к сокращению пастбищных и сенокосных угодий. В начале XX в. башкиры-катайцы продолжали заниматься полукочевым скотоводством. Массовые выезды прекратились в 1921–1922 гг. Последняя кочевка, по сведениям информаторов, была в 1932 г. В конце XX вв на этой территории появляются фермерские хозяйства по разведению лошадей.

Ключевые слова: инзерский бассейн, башкиры-катайцы, чияликская культура, горно-лесная зона, полукочевое скотоводство, кочевое скотоводство.

**CATTLE BREEDING OF THE KATAI BASHKIRS IN THE INZER
BASIN IN THE 14th – EARLY 21st CENTURIES**

Z.F. Khasanova,

*Candidate of Historical Sciences, Researcher, Department of Ethnography, R.G. Kuzeev Institute of
Ethnological Research, Ufa Scientific Center, RAS, Ufa;*

zifa.83@mail.ru

S.L. Vorobyova,

*Candidate of Historical Sciences, Researcher of Fund Department Curator of Archeology Repository
Collection, National Museum, Republic of Bashkortostan, Ufa*

sveta_legion@mail.ru

Abstract: Basing on ethnographic, archival and archaeological data, the authors of the article analyze the features of the development of cattle breeding among the Katai Bashkirs from ancient times up to our days. Due to traditions and geographical and climatic factors, cattle breeding has been the main occupation of the Katai Bashkirs until today. The Katai Bashkirs live in the mountain-forest zone of the Southern Urals in the territory of the Inzer basin in the Beloretsky District of the Republic of Bashkortostan. The peculiarities of the natural and geographical zone, primarily its inaccessibility and the lack of large open spaces, have created conditions for preservation of ethnic traditions, for separate development of material and spiritual culture of the ethnoterritorial group of the Bashkirs. The study of the Katai Bashkirs of the Inzer basin allows tracing changes in the way of life of the Bashkirs from semi-nomadic one to the formation of farms and the development of horse breeding.

The origin of the Katai (kytai, ktai) tribal group is associated with the Mongolian tribes of the Kara-Khitais, or Khitans, that came to the territory in question at the end of the 14th century. In the 15th – 16th centuries the territory of the Inzer basin was part of the Historical Bashkortostan. The field materials of one of the authors of the article, as well as written and archaeological data, speak of the nomadic way of life of the Bashkirs during the Middle Ages. After resettlement to the territory of the Inzer basin, the Katai Bashkirs adapted to local natural conditions and began to lead a semi-nomadic way of life. In the 18th century there was a sharp change in economic activity. At the end of the 19th century, the cattle number reduced. This was due to the fact that Russians captured Bashkir lands and constructed mining plants in the territory of the Inzer basin, and it led to reduction of pasture and hayfields. At the beginning of the 20th century, the Katai Bashkirs were still engaged in semi-nomadic cattle breeding. Mass exodus ceased in 1921-1922. According to informants, the last nomadic migration was in 1932. At the end of the 20th century, farms for breeding horses appeared in this territory.

Keywords: Inzer basin, Katai Bashkirs, Chiyalik culture, mountain-forest zone, semi-nomadic cattle breeding, nomadic cattle breeding.

Башкиры, один из древнейших народов, являвшихся частью этнокультурного мира кочевников евразийских степей, были известны как кочевники-скотоводы уже с древнейших времен, о чем свидетельствовал путешественник X в. Ибн-Фадлан [25, с. 66]. В XI–XVI вв. башкиры постепенно переходили к полукочевому скотоводству, которое продолжало оставаться их основным занятием и в XVII в. [19, с. 320], о чем подтверждает «Книга Большого чертежу», где указано, что башкиры «скоту держат много» [17, с. 139]. Процесс перехода от кочевого скотоводства к полукочевым формам хозяйства на разных территориях протекал по-разному [20, с. 280]. В данной работе мы рассмотрим особенности развития скотоводства у башкир-катайцев (северо-восточная группа башкир) на территории инзерского бассейна, основываясь на данных археологии, этнографии и архивных материалах.

Вопрос о существовании полукочевого скотоводства у башкир, в том числе и у северо-восточной группы населения, неоднократно обсуждался в научной литературе. Отдельные авторы выезды на яйляу (летовки) и ведение полукочевого скотоводческого хозяйства башкирами в древности предлагают ограничить термином «отгонно-пастбищное хозяйство», «отгонно-

пастбищное животноводство» [1, с. 32; 7, с. 121; 11, с. 56]. Но на данный момент большинством исследователей на основе историко-этнографических данных доказана довольно масштабная практика выездов в кочевья среди башкир вплоть до конца XIX в. [26, с. 376; 41, с. 192; 29, с. 71–76].

Территориальные рамки исследования ограничиваются бассейном рек Малый и Большой Инзер и их притоков (рр. Манаир, Тюльмень, Реветь, Лемеза), в котором располагается современный Белорецкий район Республики Башкортостан (далее – РБ). В физико-географическом плане местность входит в горно-лесную зону Южного Урала и относится к Карязинско-Зильмердакскому округу Уфимско-Бельской подпровинции Башкортостана. Территория выделяется увалисто-хребтовым рельефом и лиственно-сосновыми лесами преимущественно на светло-серых лесных грубоскелетных почвах. Абсолютная высота хребтов – 750–800 м, а отдельных вершин – 900–977 м. Облесенность составляет 93%, преобладают широколиственные темно-хвойные леса, среди которых встречаются сосновые, березовые, сосновые и липовые [30, с. 116–118]. В пределах округа преобладают лесное и охотничье хозяйства, животноводство, наиболее заселены долины рек. Из-за особенностей природно-географической зоны, связанных прежде всего с ее труднодоступностью, отсутствием больших открытых пространств, здесь сложились условия для консервации этнических традиций, обособленного развития материальной и духовной культуры этнотерриториальной группы башкир.

Происхождение башкир инзерского бассейна и кочевое скотоводство на ранних этапах развития

Этническое ядро башкир инзерского бассейна составило одно из крупнейших северо-восточных племен *катай* (*katai*), включающие шесть родов: инзер-, кузгун-, идель-катай (западные, или горно-лесные, катаяцы), улу-, бала- и ялан-катай (восточные, или зауральские, катаяцы). Данное родоплеменное объединение, в формировании которого участвовали разные, в том числе и неродственные родовые подразделения, имеет многовековую историю развития.

Р.Г. Кузеев происхождение родоплеменной группы катай (кытай, ктай) связывал с монгольскими племенами кара-китаями, или киданями, известными с III–IV вв. до монгольских завоеваний и позже, доказывая это положение анализом «китайских» тамг в составе разных народов огромной территории от Алтая до Урала (башкиры, киргизы, узбеки, каракалпаки, ногаи) [19, с. 213]. Киданьские племена жили на юго-востоке современной территории Внутренней Монголии вплоть до X в., контактировали с Тюркским каганатом, гуннами. Однако, по словам Р.Г. Кузеева, этнические смешения не изменили их монгольского облика [19, с. 214]. В конце XIV в. катаяцы переселились из Приуралья на территорию инзерского бассейна в горно-лесную зону, что связано с «большой войной» Тохтамыша и Тимура, хотя Р.Г. Кузеев не исключает и в более раннее время далекие проникновения кочевников на восток. Позднее часть катаяцев, смешавшихся с небольшой группой сальюттов, была оттеснена табынцами на среднее течение р. Инзер и вышла оттуда к верховьям р. Белая. Катаяцы, оставшиеся в инзерском бассейне, сохранили многие архаичные черты в этнической характеристике по сравнению со своими сородичами, смешавшимися с сальютами и табынцами [19, с. 225].

Катайское племя прошло длительный миграционный путь с территории современной Монголии, Алтая, Южной Сибири, Средней Азии, Приаралья. Оттуда катаяцы пришли со сложившимся кочевым скотоводством, таежными методами охоты, архаичными способами рыболовства, традициями собирательства. В материальной культуре и хозяйственных занятиях башкир-катаяцев до сих пор можно проследить общие черты с народами Алтая и Южной Сибири, начиная от общих видов хозяйственной деятельности (устройства орудий труда, средств передвижения, способов рыбной ловли и охоты, конструктивных особенностей жилища и очага и т.д.) до отдельных узоров в прикладном искусстве – рогообразных и спиралевидных фигур, бегущих волн и производных мотивов. Эти элементы культуры сохранялись на территории инзерского бассейна на протяжении нескольких веков благодаря компактному расселению в горно-лесном массиве, численному росту с конца XVIII в. и до настоящего времени.

В археологическом плане инзерский бассейн в эпоху позднего средневековья представлял собой белое пятно на карте, так как в непроходимой горно-лесной зоне достаточно сложно проводить сплошное археологическое обследование. Памятники чияликской культуры X–XV вв., связанные исследователями с предками башкирского народа, здесь не известны, в то время как они имеются южнее, западнее, восточнее и севернее этого района [3; 15; 28; 16; 23; 9, рис. 1. с. 182]. В.А. Иванов включает эту зону в «Исторический Башкортостан» XV – первой половины XVI

в. [12, с. 248]. О кочевническом происхождении башкир инзерского бассейна говорят не только данные башкирских сказаний и документов, но и полевые материалы одного из авторов статьи. Так, рядом с с. Шигаево Белорецкого района РБ на старом кладбище зафиксировано надмогильное срубное сооружение с надгробным камнем. Местные жители называют этот камень «*Кәбер ташы*» и почитают его как священное место (*әулия*) [31, рис. 1, с. 149]. Информаторы рассказали, что сюда приходили молиться обычно перед долгой дорогой. По словам одного из информаторов М.Б. Абсалямова, он приходил сюда перед Великой Отечественной войной и дал обет сделать ограждение для камня в случае благополучного возвращения с войны. Сразу после того как он вернулся, установил вокруг камня деревянную ограду (сруб). С годами ограда разрушилась, а в 2010г. его внуки сделали из сруба новое ограждение [32]. Размеры сруба состоят из трех венцов лиственницы, 1,5×2 м, высота 1,2 м. Погребение по надписи на камне датируется 1720 г. (1098 год хиджры). Каменных надгробий, по сведениям информаторов, было очень много, но во время массовой распашки в середине XX в. эти камни растащили (часто их использовали в качестве строительного материала). Данные сведения фиксируются у башкир и на других территориях РБ [37, с.53–63]. Р.М. Юсупов срубные надмогильные конструкции связывал с оседлым населением, надмогильные деревянные столбики и каменные конструкции с каменными плитами у изголовья – с кочевническим происхождением [37, с. 56]. И.В. Антонов указывает на то, что башкиры-катайцы расселились главным образом в Зауралье, в непосредственной близости от ареала распространения каменных курганов, оставленных южносибирскими кочевниками домонгольского и имперского периодов (X–XIV вв.), с чем автор связывает сохранение именно на этой территории каменных обкладок вокруг могил [2, с. 97–98]. О скотоводческом образе жизни башкир на раннем этапе развития говорят различные предания (эпосы «Урал Батыр», «Акбузат», «Заятуляк и Хыухылу», «Идукай и Мурадым»), пословицы и поговорки («У того, кто не ведёт счёт, весь скот во дворе», «Считанная скотина не пропадает», «Считанных овец волк не порежет», «Клеймёная скотина не теряется») и погребения чияликской культуры, где в домонгольское время (X–XIII вв.) встречаются кости лошадей, конское снаряжение, а в монгольский период (XIII–XIV вв.) в погребениях зафиксированы только остатки конского снаряжения [9, с. 186, 191].

Полукочевое скотоводство в XIV–XIX вв.

Переселившись на территорию инзерского бассейна, башкиры-катайцы прошли этап адаптации к местной природно-климатической среде. Природно-географические условия в инзерском бассейне сегодня примерно такие же (см. выше), как в момент освоения южно-уральских земель (XIV в.). Вышеописанные особенности местного климата, почв, гидрологии, флоры, фауны и минералогических ресурсов способствовали формированию здесь своеобразного хозяйственного комплекса башкир-катайцев – полукочевого скотоводства с охотой, рыболовством, бортничеством, собирательством, соответствующего местным мощным лесным и горно-лесным массивам, суровому климату и горным почвам. Богатый лесной массив инзерского бассейна позволял во всей полноте развивать лесные промыслы и не способствовал земледелию. Перестройка хозяйства привела к изменению структуры стада, увеличению поголовья лошадей и овец, уменьшению количества коз, малоприспособленных к зимней тебеневке в условиях толстого снежного покрова [18, с. 47–48].

Башкиры инзерского бассейна, будучи полукочевыми скотоводами [18, с. 276; 39, с. 114], вплоть до XVIII столетия в больших количествах разводили лошадей, овец, коров, немного коз. В источниках этого периода указано, что «...скотоводство башкир заключается почти исключительно в содержании овец и табунов лошадей» [8, л. 10]. Основное поголовье стада составляли лошади, поскольку они обеспечивали почти все потребности башкир. Лошадь приспособлена к тебеневке и может круглый год находиться на подножном корме [39, с. 45]. Как пишет С.И. Руденко, даже в начале XX в. у инзер-катайцев лошади тебеневали до половины зимы [26, с. 102]. Привыкшие к тебеневке лошади плотными рядами шли по зимним пастбищам, методично разбивая корку снега ударами копыт и освобождая траву из-под снежного покрова. За ними по уже проложенному следу шли овцы и козы. Лошади в степях и лесах бродили косяками и табунами без пастухов, равно как коровы и овцы. Табуны включали несколько косяков, состоящих из маток с жеребятами, которых пас жеребец косяка. Сбиваясь в косяки во главе с жеребцом-вожаком, лошади были способны к самозащите от нападения волков. Крупный рогатый скот и овцы паслись стадами.

Лошадь являлась основной тягловой рабочей силой и средством передвижения кочевника, помощником во всех его делах и заботах. Верховом ездили и мужчины, и женщины. Верховой езде учились с детства [35, с. 152–161]. Особое отношение к лошади вылилось в культовое почитание,

нашедшее воплощение в фольклоре. Неслучайно для устного народного творчества традиционные образы мифологических коней-толпаров и аргамаров. Из кобыльего молока делали кумыс (*кымыз*). Башкирские лошади за сезон способны давать по 1600–1800 литров молока [33, с. 120]. Конина обладает рядом ценных диетических и лечебных свойств и была обязательным элементом в традиционной кухне. Конская шкура шла на изготовление обуви и посуды: подошников, сосудов и флагов.

Большое значение в хозяйстве и быту башкир-полукошачевников имели овцы. Баранина ценилась наравне с кониной. Шкуры овец шли на пошив одежды, головных уборов [33, с. 145]. Коз башкиры-катайцы разводили мало. Их шерсть употреблялась на изготовление половиковых ковров и сукна, из пуха вязали шали и шарфы.

В традиционном башкирском стаде поголовье крупного рогатого скота было в два-три раза меньше, чем лошадей. Тем не менее коровы являлись важной частью стада, поскольку обеспечивали людей молоком и такими молочными продуктами, как сметана (каймак), кислое молоко (катык), творог (эремсек), сливочное масло (ак май), топленое масло (хары май), напиток (айран), сыр (корот) и другие. Кожа шла на изготовление обуви и других предметов.

В конце XVIII – начале XIX в. социально-экономические условия на изучаемой территории были неблагоприятны для развития скотоводства. Строительство заводов и сопряженная с этим утрата земель, отданных под строительство и в долгосрочную аренду, приводили к сокращению пастбищных угодий, нарушению традиционных маршрутов кочевков. Упадку скотоводческого хозяйства способствовала также политика перевода полукошачевых башкир к оседлости и земледелию [33, с. 39–43]. Ситуацию усугубляли ограничения на осуществление кочевков. Закономерным следствием явилось резкое сокращение поголовья скота, которое наблюдается с 1830-х гг. и особенно ощутимо в 1840–1850 гг.

В 1837–1853 гг. в Верхнеуральском уезде процесс сокращения поголовья скота наблюдался в 38 деревнях Тамьянской волости. На 1 двор здесь приходилось в среднем 6,8 лошади, 4,7 головы крупнорогатого скота и 3,2 овцы. Примерно такая же картина была в Катайской волости, где в 15 деревнях (Арыпкулово, Гадильшино, Бутаево, Калошино, Усмангали, Нукатово, Бердегулово, Ашово, Куюково, Габдюково, Зуяково, Асино, Бришево, Манатлино, Новохасаново) на 1 двор в среднем приходилось 1–3 лошади, 1–2 коровы, 2–5 овец. Конечно, не все башкиры владели одинаковым количеством скота. Некоторые имели до несколько сотен голов скота [39, с. 69].

Из-за недостатка кормов и непогоды, а также эпизоотических болезней животных полукошачевые башкиры теряли десятки тысяч голов скота. В 1858 г. в горных районах Башкортостана от бескормицы погибло 40 тыс. голов скота [14, с. 278], в 1862 г. – 49 тыс. [39, с. 73]. Неурожаи трав периодически повторялись в 1864, 1874–1875, 1879–1880, 1889–1890, 1896–1897 гг. [39, с. 115]. Все это ухудшало обеспеченность башкир скотом.

Сокращение количества скота было связано с продолжающимся захватом башкирских земель, что привело к сокращению пастбищных и сенокосных угодий. В инзерском бассейне в XIX в. нехватка земельных и пастбищных угодий усиливается со строительством трех горных (чугуноплавильных) заводов (Инзерский, Зигазинский и Лапыштинский). В результате к середине XIX в. уже около 10 % башкирских хозяйств совсем не имело скота [4, с. 37].

Упадок скотоводства в конце XIX – XX вв.

Башкирское скотоводство в конце XIX в. переживало тяжелый кризис. Поголовье скота неуклонно сокращалось. В 1864 г. на 100 жителей Оренбургской губернии в целом приходилось 120 голов скота, а на башкир этой же губернии – 172, в 1897 г. на 100 жителей губернии – лишь 55 [20, с. 313].

Побывавший у башкир-катайцев в 90-е годы XIX в. Д.П. Никольский писал о полном упадке скотоводства: «Теперь редко можно встретить у одного хозяина 100–200 голов лошадей, не говоря о рогатом скоте. Прежде самый бедный башкир имел столько же лошадей и скота, сколько теперь имеет богатый. В настоящее время башкир, владеющий 20–30 лошадьми, считается богачом, да и таких богачей немного» [22, с. 89]. И только один человек – старшина Кубеляк-Телевской волости Верхнеуральского уезда Газзал Бускунов – владел большим количеством скота: 500 лошадей, 14 голов крупного рогатого скота и 50 овец [10, с. 47].

В связи с сокращением земель и увеличением плотности населения в крае во второй половине XIX в. полукошачевое скотоводство как хозяйственно-культурный тип исчезло. На смену ему повсюду, даже в самых дальних уголках Башкирии, пришло оседлое смешанное хозяйство с сохраняющимися традициями выхода на летние пастбища [20, с. 320]. Уже в конце XIX – начале XX в. изучаемая территория характеризовалась как район смешанного скотоводческо-лесопромыслового хозяйства [18, с. 108; 20, рис. 6. с. 298].

Сокращение поголовья скота продолжалось и на протяжении XX в. Как пишет газета «Башкирский край» за 1923 г., «...тех табунов из сотен голов всякого скота и косяков, которые свободно носились на широких степях и в лесах кантона (*Тамьяно-Катайского*. – Авт.), теперь нет, в данный момент до 50-ти голов, то это редкость – исключение. Всего скота с переводом на крупный в кантоне в настоящее время насчитывается до 20 тыс. голов, причем большинство населения имеет по одной лошади, а значительная часть вовсе безлошадная» [5, л. 50].

События XX в. – революция 1917 г., национализация лесов, сенокосов и пастбищ, голод 1920–1921 гг., коллективизация, создание колхозов негативно отразились на хозяйственной деятельности и в корне изменили хозяйство, быт и традиции башкирского народа, в том числе башкир-катайцев. В колхозах роль лошади постепенно падала, поскольку тяжелую работу выполняла техника. В годы Великой Отечественной войны верховые лошади забирались на нужды армии.

Вместе с тем, скотоводство у башкир-катайцев на протяжении всего изучаемого периода времени оставалось важнейшей отраслью домашнего хозяйства. В настоящее время в сельской местности разводят коров, овец, коз, лошадей. На один двор приходится в среднем 3–4 головы крупного рогатого скота, 1 лошадь, 2–3 головы овец и коз (данные взяты у администрации населенных пунктов Белорецкого района Республики Башкортостан).

В деревнях отдельно есть стадо коров, табун лошадей, отара овец. В 30–70-х годах XX в. существовали смешанные стада коров и овец. Из-за увеличения поголовья скота в 70–90-х годах XX в. овец и коз пасли отдельно. В настоящее время пастух пасет только коров, поскольку овец и коз в деревнях стало мало, отдельного стада для них не организуют [32].

В конце XX в. появились фермерские хозяйства по разведению лошадей, крупного рогатого скота и овец в деревнях Шигаево, Серменево, Сосновка, Азналкино, Исмакаево. Фермер А.М. Абсаямов из с. Шигаево содержит около 150 голов лошадей. Он применяет традиционный метод круглогодичного табунного содержания на горе Крака (Уральский хребет) с небольшим страховым запасом сена и овса. Д.Г. Мухтаров (с. Сосновка) и И.Х. Мингажев (с. Шигаево) разводят овец. Из с. Шигаево Ф.И. Шигапов и А.И. Шигапов, из д. Азналкино И.С. Файзуллин разводят крупный рогатый скот.

Из кобыльего молока изготавливают традиционный для башкир кумыс. Кобылиц доят с начала мая до конца августа. Как говорят информаторы, доят и мужчины, и женщины [33, рис. 3.1. с. 179]. Из первого кобыльего молока делают закваску, для этого молоко смешивают с кислым молоком (катык), полученную смесь наливают в деревянный сосуд (көбө) и с помощью специальной деревянной палки через каждые два часа мешают. В течение 3–4 дней получают закваску для кумыса. Качество напитка зависит от вкуса закваски. Как говорит фермер А.М. Абсаямов, этот традиционный метод он узнал от матери – Ф.А. Абсаямовой.

Кобылиц начинают доить в 6 часов утра и повторяют через каждые 3–4 часа. Одна кобыла дает в среднем 1–3 литра молока. Фермер А.М. Абсаямов от 70 кобылиц в день получает 80–100 литров молока. Для доения кобылиц загоняют по очереди за специальное ограждение, сделанное из жердей. Доят в эмалированные ведра, затем через сито наливают во фляги. После дойки из этих емкостей выливают в деревянные сосуды, которые находятся в отдельном чистом теплом помещении. Высокая температура необходима для быстрого брожения кумыса. Как говорят фермеры, чтобы получить вкусный и полезный кумыс, кобылам дополнительно дают овес [32].

Таким образом, на протяжении всего изучаемого периода основу хозяйственного комплекса башкир-катайцев составляло полукочевое скотоводство. Под влиянием социально-экономических, природных и особенно политических трансформаций общества его значение постоянно снижалось. В последние годы с развитием фермерских хозяйств возрождаются традиционные способы содержания скота и изготовления башкирского кумыса.

Традиционные занятия в период кочевков. Маршруты кочевков

В первые десятилетия XX в. башкиры-катайцы продолжали вести полукочевое скотоводческое хозяйство. В горной местности массовые выезды на летовку прекратились примерно до Гражданской войны и неурожая 1921–1922 гг., хотя отдельные семьи продолжали летние переезды вплоть до коллективизации. Жители д. Кузгун-Ахмерово выходили на летовки до 1932 г. [32], а жители д. Азналкино – до 1930 г. [21, л. 14 об.].

На кочевку выезжали только те, у кого имелся скот. В начале XX в. до 30–40 % хозяйств на лето оставались в деревнях, более половины населения лето проводило на кочевках [10, с. 50]. Длительное сохранение кочевничьих традиций у башкир-катайцев объясняется не только

хозяйственной заинтересованностью, но и наличием готовых поселений: однажды выстроенные бревенчатые домики ожидали своих хозяев, не требуя особых затрат в течение 10–15 сезонов [35, с. 25].

Кочевание башкир-катайцев продолжалось с середины мая до первого снега. С наступлением весны они со всем скарбом и скотом покидали деревни, чтобы отощавший за зиму скот смог набрать силу [39, с. 51]. Кочевые группы составлялись из 5–6 родственных семей. Каждая деревня совершала 2–3 кочевки (*йэйләү*), их количество зависело от климатических особенностей года [21, л. 4]: если год был неурожайный, приходилось перекочевывать 5–6 раз. Каждая кочевая группа имела готовые поселения на весенних (*язгы йорт*), летних (*йэйге йорт*) и осенних (*көзгө йорт*) стоянках. Каждая кочевка имела свое название [21, л. 185; 33, табл. 2.5, с. 176–178].

Большинство кузгун-катайских деревень современного Белорецкого района РБ (Азикеево, Азналкино, Кудашманово, Кузгун-Ахмерово, Серменево, Улу-Елга и др.) располагалось в междуречье Белой и Большого Инзера, к западу от Белорецкого завода. Их жители кочевали со скотом в пределах этой территории, покидая аулы после 10 мая и возвращаясь к 1 октября. Основным событием для кузгун-катайцев был общий сбор в середине лета в долине р. Сурюняк, откуда уходили на первую стоянку. Другие пастбища находились в верховьях Буганак, Кадыша, Яндыка и других небольших рек Бельского бассейна. Некоторые кочевые маршруты захватили долину Большого Инзера.

Жители д. Шигаево имели две стоянки: первая – до окончания покоса *ташы*, вторая ближе к деревне *Кызыл йорт* (*көзгө йорт*). На лето кочевые группы перебирались со скотом в горы, а к осени спускались в долину и жили до первых снегов, после этого возвращались в деревню [32].

В системе кочевок у башкир-катайцев прослеживаются две системы. Первая, когда жители аула начинают кочевки непосредственно не с дальних участков, а с близлежащих мест. К примеру, жители д. Исмакаево не начинали с дальних кочевок, а оставались недалеко от деревни в *көзгө йорт* и дальше двигались на *яңы йорт* (11 км от деревни), откуда откочевывали на место сенокоса *Карагас йорт* и *Көйбашы йорт*, а оттуда вновь возвращались к *көзгө йорт*. На последней кочевке наблюдалось свободное распределение мест: одни уходили в местность *Улектәрбар*, другие – в *Муктак йорт*, третьи – *Кызыл йорт*. Делали это с целью, чтобы к осени, когда они будут возвращаться обратно, трава успела подрасти.

Вторая, более распространенная система – начало кочевок с дальних мест. Это основная система кочевок, она выдерживалась десятилетиями. В то же время бывали случаи несоблюдения мест и порядка кочевок, это зависело от особенностей года, наличия травы, уровня воды. Кочевки менялись каждые две недели [21, л. 4].

Временные поселения на летовках башкир-катайцев в конце XIX – начале XX в. хотя и сохраняли многие характерные черты, однако отличались от кочевок прошлого. Раньше в летнем поселении объединялись члены родового подразделения (*ара, аймак*). В конце XIX в. на летние пастбища выезжали прежде всего состоятельные семьи, а вместе с ними башкиры-катайцы, взявшие на выпас скот или нанявшиеся на работу. Новая социально-экономическая природа кочевых групп изменила облик летних поселений; это коснулось не только численности, но и внешнего вида жилищ. Неоднородность жилищ была не только особенностью лесостепного региона, но и отражением разной обеспеченности составивших кочевку хозяйств [35, с. 25]. Богатые жили в бурамах, а остальные – в шалашах.

В деревнях, объединявших разные родовые подразделения, проживало несколько кочевых групп. «Обычно весь род кочевал в одном месте, разбитый, в свою очередь, внутри на малые кочевые группы из 5–6 родственных семей», – вспоминают информаторы [32].

Места стойбищ в течение ряда лет оставались традиционными. Одним из важных условий при выборе места для стойбища было наличие воды: речки, родника. Башкиры-катайцы свободно размещались на летних поселениях. При обилии в горах ключей и родников и естественных оборонительных укреплений летние поселения располагались здесь равномерно, на значительном расстоянии одно от другого [35, с. 29].

В начале мая собирались старики, чтобы назначить день выезда. Нередко скот, чувствуя приближение лета, направлялся в привычные места летовок, присматривал за ним пожилой мужчина. Тем временем жители деревни готовились в дорогу: собирали вещи, чинили телеги и упряжь. В назначенный день трогались в путь. Молодые, как правило, отправлялись верхом, и к приезду остальных девушки и молодые женщины готовили обед [21, л. 184].

В деревнях оставались лишь некоторые старики, присматривающие за бортями и домашней птицей. Они располагались со своими ульями в 1–1,5 км от деревни. На летовку также не брали гусей и кур из-за трудностей ухода за ними [21, л. 5].

В первый день выезжали мужчины для постройки шалаша и ремонта ограды. Делали навесы для телят, чистили родник, готовили место для очага, устанавливали на берегу из привезенных кирпичей печки для выпечки хлеба, готовили запас дров из сухостоя. С собой они везли также инструменты для заготовки сена (косы, деревянные вилы и грабли) [32].

На второй день на стойбище переезжали остальные члены семьи, скот гнали верхом на лошадях или пешим ходом. С собой привозили продукты, постельные принадлежности, посуду. Этот день уходил на обустройство быта. Нары покрывали самодельным покрывалом (*эрмэк*), на краю нар ставили сундук (*һандык*) с одеждой, поверх которого стелили кошмы, одеяла, подушки. На полу рядом с дверью ставили большой сундук с продуктами и посудой. Если в семье были грудные дети, то справа от двери устанавливали колыбель (*сәңгелдәк*). Для инструментов делали специальный навес, вилы и грабли располагались в одном месте, а косы в отдельном, недоступном для детей. В день приезда резали барана, проводили обряд жертвоприношения, читали молитву и угощали всех соседей летника. Для хранения молочных продуктов – масла, сметаны, молока, а также мясных продуктов – делали маленький пруд. Мясо солили или коптили, а перед применением отмачивали, затем варили.

Выводы

Таким образом, скотоводство, как и все хозяйственные занятия башкир, эволюционировало на протяжении всего периода их проживания на территории инзерского бассейна, с начала освоения этих земель в XIII–XIV вв. переселенцами из степей Евразии. Адаптация к местным природно-географическим условиям сопровождалась формированием хозяйственного комплекса, в котором развивалось в первую очередь скотоводство. Скотоводство, особенно коневодство, решало многие вопросы жизнеобеспечения местного населения. Лошадь являлась рабочей силой и транспортным средством. Из кобыльего молока делали целебный и питательный кумыс. Мясо – конина – также обладает рядом ценных диетических и лечебных свойств. Конская шкура шла на изготовление обуви и посуды: подошников, сосудов и фляг. Определенное место занимало разведение овец, которое также давало населению еду и сырье для одежды, домашнего текстиля, предметов быта.

Существенные перемены в хозяйственной деятельности башкир произошли в середине XVIII в. Они были обусловлены социально-экономическими, демографическими, политическими изменениями в регионе. Строительство горных заводов привело к переселению сюда русских со своими хозяйственными традициями, сопровождалось распродажей башкирских земель и как следствие – уменьшением пастбищных и сенокосных угодий, нарушением традиционных маршрутов и территорий кочевков, резким сокращением поголовья скота. Этому же способствовал недостаток кормов из-за непогоды, а также эпизоотические болезни животных, особенно в конце XIX в. Места расположения кочевков приблизились к деревне, сократилось число семей, выезжающих на летовку. С конца XVIII – середины XIX в. успешно проводилась политика насильственного перехода башкир к оседлости, которая была направлена на решение вопроса уменьшения земельных угодий. Произошел переход от полукошевого скотоводства к оседлому.

Эволюция скотоводства проявилась, прежде всего, в его количественных и качественных модификациях. На фоне непрерывного сокращения поголовья скота наблюдалось изменение его состава – сокращение доли лошадей и увеличение количества крупного рогатого скота, являющегося на сегодняшний день основой животноводческой отрасли хозяйства башкир инзерского бассейна. Получили распространение определенные породы коров, способные передвигаться в условиях горной местности. С установлением советской власти и коллективизацией выходы на кочевья у башкир-катайцев прекратились окончательно, последняя кочевка была в 1932 г. в д. Кузгун-Ахмерово. Параллельно с упадком скотоводства во второй половине XIX в. получили развитие лесные промыслы, и хозяйство башкир-катайцев характеризуется как скотоводческо-лесопромысловое при ведущем положении скотоводства.

В конце XX в. появились фермерские хозяйства по разведению лошадей (до 150 голов в одном хозяйстве), крупного рогатого скота и овец в деревнях Шигаево, Серменево, Сосновка, Азналкино, Исмакаево. Фермеры применяют традиционный метод круглогодичного табунного содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Азат Юлан*. Башкорт йәйләүҙәре // Йәшлек. 2006. № 4. 27 апреля. С. 32.

2. Антонов И.В. Башкиры в эпоху средневековья (очерки этнической и политической истории). Уфа: ИП Галиуллин Д.А., 2012. – 308 с.
3. Археологическая карта Башкирии / отв. ред. О.Н. Бадер. М.: Наука, 1976. – 263 с.
4. Асфандияров А.З. Хозяйство башкир в первой половине XIX в. // Страницы истории Башкирии. Уфа, 1974. С. 36–37.
5. Башкирский край. № 7 от 22 мая 1923 г. // Центральный исторический архив Республики Башкортостан. Газетный фонд.
6. Башкиры: этническая история и традиционная культура / Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. – 247 с.
7. Буляков Т. Как башкиры стали кочевниками? // Агидель. 2006. №4. С.120–128. (на баш. яз.).
8. ГА ОО: Государственный архив общественных организаций. Ф. 6. Оп. 6. Л. 10. Оренбургское губернское правление.
9. Гарустович Г.Н. Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 181–198.
10. Зарипов А.Б. Юго-восточный Башкортостан 1917–1922 гг. Уфа: Башк. госуниверситет, 2001. – 210 с.
11. Зиннатуллин З. Стереотиптарға һәм концепцияларға аныклык индереп // Ватандаш. 2007. №3. С.55–59.
12. Иванов В.А. Расселение башкирских племен накануне и в период вхождения Башкирии в состав Русского государства // Археология, этнография и антропология Евразии. Т. 44. 2016. №3. С. 85–93.
13. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. – 704 с.
14. История Башкортостана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 1: История Башкортостана с древнейших времен до конца XIX века / редкол. 1 тома: И.Г. Акманов (отв. ред.) и др. Уфа: ГУП Уфим. полиграфкомбинат, 2004. – 486 с.
15. История культуры Башкортостана (Комплект научных и учебных материалов). Выпуск 6. Археологические памятники Башкортостана / отв. ред. Ю.А. Морозов. Уфа: Гилем, 1996. – 280 с.
16. Каталог памятников археологии Башкирии, открытых в 1971 – 1980 гг. / составители М.Ф. Обыденнов, В.А. Банников. Уфа: ИИЯЛ БФАН СССР, 1982. – 80 с.
17. Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. Санкт-Петербург: Типография Горнаго училища, 1792. – 324 с.
18. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1978. – 263 с.
19. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения / отв. ред. Т.А. Жданко. Уфа: Типография ООО ДизайнПолиграфСервис, 2010. – 560 с.
20. Кузеев Р.Г. Развитие хозяйства у башкир в X–XIX вв. (к истории перехода башкир от полукочевого хозяйства к земледелию) // Археология и этнография Башкирии. Том 3 / Под ред. Н.В. Бикбулатова, Р.Г. Кузеева (отв. ред.), Н.А. Мажитова. Уфа: БФАН СССР, 1968. С. 261–321.
21. НА УНЦ РАН: Научный архив Уфимского научного центра РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 18, 418, 790. Научный отчет комплексной этнографической экспедиции 1958 г., Султанов Р.М. Научный отчет о результатах этнографической экспедиции 1971 г. в юго-восточные районы БАССР.
22. Никольский Д.П. Башкиры: Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. Диссертация на степень доктора медицины. СПб., 1899. – 377 с.
23. Памятники археологии Башкирской АССР, открытые в 1961–1986 годы. Каталог / Составители Р.М. Гиндуллина, М.Ф. Обыденнов, В.С. Горбунов, Н.Л. Аюпова, В.В. Овсянников, Ф.М. Тагиров, Р. Шайбеков. Л.М. Каримова. Уфа, 1963. – 94 с.
24. Полевые материалы З.Ф. Хасановой, 2009–2011 гг., Республика Башкортостан, Белорецкий район.
25. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Под ред. И.Ю. Крачковского. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1939. – 193 с.
26. Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. – 376 с.
27. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. – 312 с.
28. Свод археологических памятников Республики Башкортостан, выявленных в 1987–2000 гг. науч.-справ. изд. / Авт.-сост. Н.С. Савельев. Уфа: Информреклама, 2004. – 183 с.

29. Сулейманов Ф.М. О роли скотоводства в хозяйстве юго-восточных башкир прошлых лет // Проблемы и перспективы конкурентоспособного воспроизводства в Башкирском Зауралье: материалы республиканской научно-практической конференции (25 сентября 2009 г.). В 3-х ч. Ч.2. Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. С.71–76.
30. Физико-географическое районирование Башкирской АССР. Ученые записки. Том 16. Серия географическая. №1. Уфа, 1964. С. 116–118.
31. Хасанова З.Ф. Атрибуты доисламских верований в быту и хозяйственной деятельности башкир инзерского бассейна // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов: в 2 т. / Гл. ред. Н.А. Томилов, отв. ред. Д. Дж. Андерсон, М.А. Корусенко, С.С. Тихонов, А.В. Харинский. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2013. Т. 2. С. 147–150.
32. Хасанова З.Ф. Полевые материалы 2010 г. Дер. Шигаево Белорецкого района Республики Башкортостан.
33. Хасанова З.Ф. Традиционные хозяйственные занятия башкир инзерского бассейна (середина XIX – начало XXI в.). СПб.: ООО Свое издательство, 2014. – 188 с.
34. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии. Уфа: Типография Оренбургского Губернского Правления, 1859. – 472 с.
35. Шитова С.Н. Временные поселения башкир // Обычаи и культурно-бытовые традиции башкир / под ред. Р. Г. Кузеева, Н. В. Бикбулатова. Уфа: Башкирская энциклопедия, 1980. С.24–41.
36. Шитова С.Н. Утварь из кожи у башкир // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX в. / отв. ред. Р.Г. Кузеев, Н.В. Бикбулатов. – М.: Наука, 1979. С. 152–161.
37. Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1989. – 200 с.
38. Южный Урал в эпоху Средневековья (V–XVI века н.э.) / Иванов В.А., Злыгостев В.А., Антонов И.В / под ред. В.А. Иванова. Уфа: БГПУ, 2013. – 280 с.
39. Янгузин Р.З. Хозяйство и социальная структура башкирского народа в XVIII–XIX вв. Уфа: Китап, 1998. – 236 с.

REFERENCES

1. *Azat Yulan*. Bashkirskie letovki [Bashkirian ice cubes] // *Jeshlek*. 2006. № 4. 27th april. – 32 p.
2. *Antonov I.V.* Bashkiry v ehposu srednevekov'ya (ocherki ehtnicheskoj i politicheskoj istorii) [Bashkirs in the Middle Ages (essays of ethnic and political history)]. Ufa: IP Galiullin D.A., 2012. – 308 p.
3. Arheologicheskaya karta Bashkirii [Archaeological map of Bashkortostan]/ otv. red. O.N. Bader. M.: Nauka, 1976. –263 p.
4. *Asfandiyarov A.Z.* Hozyajstvo bashkir v pervoj polovine XIX v. [The economy of the Bashkirs in the first half of the XIXth century.] // *Stranicy istorii Bashkirii*. Ufa, 1974. PP. 36-37.
5. Bashkirskij kraj [Bashkortostan edge]. № 7 ot 22 maya 1923 g. // *Central'nyj istoricheskij arhiv Respubliki Bashkortostan*. Gazetnyj fond.
6. Bashkiry: ehtnicheskaya istoriya i tradicionnaya kul'tura [Bashkirs: ethnic history and traditional culture]/ *Bikbulatov N.V., YUsupov R.M., SHitova S.N., Fatyhova F.F.* Ufa: Bashkirskaya ehnciklopediya, 2002. – 274 p.
7. *Bulyakov T.* Kak bashkiry stali kochevnikami? [How did the Bashkirs become nomads?] // *Agidel'*. 2006. №4. PP. 120–128.
8. GA OO: Gosudarstvennyj arhiv Obshchestvennyh organizacij [State Archives of Public Organizations]. F. 6. Op. 6. L. 10. Orenburgskoe gubernskoe pravlenie.
9. *Гарустович Г.Н.* Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале [Chiyalik archaeological culture of the Middle Ages in the Southern Urals] // *Уфимский археологический вестник*. 2015. Вып. 15. PP. 181–198.
10. *Zaripov A.B.* YUgo-vostochnyj Bashkortostan 1917–1922 gg. [Southeast Bashkortostan in 1917-1922]. Ufa: Bashk. gosuniversitet, 2001. – 210 p.
11. *Zinnatullin Z.* Vnesenie izmenenij v stereotypy i koncepcii [Modification of stereotypes and concepts] // *Vatandash*. 2007. №3. PP. 55–59.
12. *Ivanov V.A.* Rasselenie bashkirskih plemen nakanune i v period vhozhdeniya Bashkirii v sostav Russkogo gosudarstva [Settlement of Bashkir tribes on the eve and during the period of Bashkiria's entry into the Russian state] // *Arheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii*. T. 44. 2016. №3. PP. 85–93.
13. *Ilimbetova A.F., Ilimbetov F.F.* Kul't zhivotnyh v miforitual'noj tradicii bashkir [Cult of animals in the mythological tradition of the Bashkirs]. 2-e izd., ispr. i dop. Ufa: AN RB, Gilem, 2012. – 704p.
14. *Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do nashih dnejj: v 2 t. T. 1: Istoriya Bashkortostana s drevnejshih vremen do konca XIX veka* [History of Bashkortostan from ancient times to the present day: in 2 tons. Vol. 1: History of Bashkortostan from ancient times to the end of the XIX century] / redkol. 1 toma: I.G. Akmanov (otv. red.) i dr. Ufa: GUP Ufim. Poligrafkombinat, 2004. – 486 p.
15. *Istoriya kul'tury Bashkortostana (Komplekt nauchnyh i uchebnyh materialov)* [History of Culture of Bashkortostan (A set of scientific and educational materials)]. Vypusk 6. Arheologicheskie pamyatniki Bashkortostana / otv. red. YU.A. Morozov. Ufa: Gilem, 1996. – 280 p.
16. *Katalog pamyatnikov arheologii Bashkirii otkrytyh v 1971 – 1980 gg.* [The catalog of archeological monuments of Bashkiria opened in 1971–1980] / sostaviteli M.F. Obydenov, V.A. Bannikov. Ufa: IYYAL BFAN SSSR, 1982. – 80 p.
17. *Kniga Bol'shomu chertezhu, ili Drevnyaya karta Rossijskogo gosudarstva, ponovlennaya v razryade i spisannaya v knigu 1627 goda* [Book of the Big Drawing, or Ancient Map of the Russian State, renewed in rank and written off in the book of 1627]. Sankt-Peterburg: Tipografiya Gornago uchilishcha, 1792. – 324 p.
18. *Kuzeev R.G.* Istoricheskaya ehtnografiya bashkirskogo naroda [Historical ethnography of the Bashkir people]. Ufa: Bashk. kn. izd-vo, 1978. – 263 p.
19. *Kuzeev R.G.* Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda: ehtnicheskij sostav, istoriya rasseleniya [The origin of the Bashkir people: ethnic composition, history of settlement]/ otv. red. T.A. ZHDanko. Ufa: Tipografiya OOO DizajnPoligrafServis, 2010. – 560 p.
20. *Kuzeev R.G.* Razvitie hozyajstva u bashkir v H–XIX vv. (k istorii perekhoda bashkir ot polukochevogo hozyajstva k zemledeliyu) [The development of the economy among the Bashkirs in the 10th-19th centuries. (to the history of the Bashkirs' transition from semi-nomadic to farming)]// *Arheologiya i ehtnografiya Bashkirii*. Tom 3 / pod red. N.V.Bikbulatova, R.G.Kuzeeva (otv.red.), N.A. Mazhitova. Ufa: BFANSSR, 1968. PP. 261–321.

21. NA UNC RAN: Nauchnyj arhiv Ufimskogo nauchnogo centra RAN. F. 3. Op. 2. D. 18, 418, 790. Nauchnyj otchet kompleksnoj ehtnograficheskoj ehkspedicii 1958 g. [Scientific Report of the Complex Ethnographic Expedition of 1958], Sultanov R.M. Nauchnyj otchet o rezul'tatah ehtnograficheskoj ehkspedicii 1971 g.v yugo-vostochnye rajony BASSR [Scientific report on the results of the 1971 ethnographic expedition to the southeast of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic].
22. *Nikol'skij D.P.* Bashkiry: Ehtnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie [Bashkirs: Ethnographic and sanitary-anthropological research]. Dissertaciya na stepen' doktora mediciny. SPb., 1899. – 377 p.
23. Pamyatniki arheologii Bashkirskoj ASSR, otkrytye v 1961-1986 gody. Katalog [Monuments of archeology of the Bashkir ASSR, opened in 1961-1986. Catalog]/ Sostaviteli R.M. Gindullina, M.F. Obydenov, V.S. Gorbunov, N.L. Ayupova, V.V. Ovsyannikov, F.M. Tagirov, R. SHajbekov. L.M. Karimova. Ufa, 1963. – 94 p.
24. Polevye materialy Z.F. Hasanovoj, 2009-2011 gg., Respublika Bashkortostan, Beloreckij rajon [Field materials Z.F. Khasanova, 2009-2011, Republic of Bashkortostan, Beloretsk region].
25. Puteshestvie Ibn-Fadlana na Volgu [The Journey of Ibn Fadlan to the Volga]/ Pod red. I.YU. Krachkovskogo. M.; L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1939. – 193 p.
26. *Rudenko S.I.* Bashkiry: Istoriko-ehnograficheskie ocherki [Bashkirs: Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap, 2006. – 376 p.
27. *Rychkov P.I.* Topografiya Orenburgskoj gubernii [Topography of Orenburg Province]. Ufa: Kitap, 1999. – 312 p.
28. Svod arheologicheskikh pamyatnikov Respubliki Bashkortostan, vyyavlennyh v 1987-2000 gg. [The archaeological monuments of the Republic of Bashkortostan, revealed in 1987-2000.] nauch.-sprav. izd. / avt.-sost. N.S. Savel'ev. Ufa: Informreklama, 2004. – 183 p.
29. *Sulejmanov F.M.* O roli skotovodstva v hozyajstve yugo-vostochnyh bashkir proshlyh let [On the role of cattle breeding in the economy of the southeastern Bashkirs of past years] // Problemy i perspektivy konkurentosposobnogo vosproizvodstva v Bashkirskom Zaural'e: materialy respublikanskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25 sentyabrya 2009 g.). V 3-h ch. CH.2. Ufa: RIC BashGU, 2008. PP. 71–76.
30. Fiziko-geograficheskoe rajonirovanie Bashkirskoj ASSR [Physico-geographical zoning of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic]. Uchenye zapiski. Tom 16. Seriya geograficheskaya. №1. Ufa, 1964. PP. 116–118.
31. *Hasanova Z.F.* Atributy doislamskih verovanij v bytu i hozyajstvennoj deyatel'nosti bashkir inzerskogo bassejna [Attributes of pre-Islamic beliefs in everyday life and economic activity of the Bashkirs of the Lake of Inzersk]// Integraciya arheologicheskikh i ehtnograficheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov: v 2 t./ gl. red. N.A. Tomilov, otv. red. D. Dzh. Anderson, M.A. Korusenko, S.S. Tihonov, A.V. Harinskij. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2013. T. 2. PP. 147–150.
32. *Hasanova Z.F.* Polevye materialy 2010 g. Der. SHigaevo Beloreckogo rajona Respubliki Bashkortostan [Field materials in 2010. Der. Shigaevo Beloretsky district of the Republic of Bashkortostan.].
33. *Hasanova Z.F.* Tradicionnye hozyajstvennye zanyatiya bashkir inzerskogo bassejna (seredina XIX – nachalo XXI v.) [Traditional economic studies of the Bashkirs of the Inzersky basin (mid-19th - early 21st century)]. SPb.: OOO Svoe izdatel'stvo, 2014. – 188 p.
34. *CHeremshanskij V.M.* Opisanie Orenburgskoj gubernii [Description of the Orenburg province]. Ufa: Tipografiya Orenburgskogo Gubernskogo Pravleniya, 1859. – 472 p.
35. *Shitova S.N.* Vremennye poseleniya bashkir [Temporary settlements of the Bashkirs]// Obychai i kul'turno-bytovye tradicii bashkir / pod red. R. G. Kuzeeva, N. V. Bikbulatova. Ufa: Bashkirskaya ehnciklopediya, 1980. PP. 24-41.
36. *SHitova S.N.* Utvar' iz kozhi u bashkir [Utensils of leather from Bashkirs]// Hozyajstvo i kul'tura bashkir v XIX – nachale XX v. / otv. red. R.G. Kuzeev, N.V. Bikbulatov. M.: Nauka, 1979. PP. 152–161.
37. *Yusupov R.M.* Kraniologiya bashkir [Craniology of the Bashkirs]. L.: Nauka, Leningradskoe otdelenie, 1989. – 200 p.
38. Yuzhnyj Ural v ehpohe Srednevekov'ya (V-XVI veka n.eh.) [Southern Urals in the Middle Ages (V-XVI century AD)]/ Ivanov V.A., Zlygostev V.A., Antonov I.V / pod red. V.A. Ivanova. Ufa: BGPU, 2013. – 280 p.
39. *Yanguzin R.Z.* Hozyajstvo i social'naya struktura bashkirskogo naroda v XVIII–XIX vv. [Economy and social structure of the Bashkir people in the 18th-19th centuries]. Ufa, 1998. – 236 p.

